

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ТЕКСТОЛОГИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ

средневекового
Ближнего
и Среднего Востока

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

рашении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). — «Труды САГУ». Новая серия. Таш., 1950, вып. 11; она же. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970).

³ Маджму'а-йи васанк. Рукопись ИВ АН УзССР № 1386, л. 229а, б. В сборнике есть и еще один документ о разделе наследства (л. 227а, б). Подробнее см. Р. Г. Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XVI в. (Чугунолитейная мастерская Самаркандской области). — Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 190—196.

⁴ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. (Курс лекций). Л., 1966, с. 174; А. Н. Кисляков. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с. 55, 86, 87.

⁵ Маджму'а-йи васанк, л. 224.

⁶ Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла..., с. 150—151.

⁷ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872, с. 45, 50.

⁸ В городах Востока употреблялись одноименные единицы веса разного размера. Из выявленных самаркандских маннов и дунимсиров наиболее подходящим для взвешивания чуб-и бакама мы сочли манн в 20 кг, дунимсир — 1,25 кг, сир — 0,5 кг, нимча — 78 г (см. Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., с. 85, 90, 97).

⁹ Мухаммед Амин. Мазхар ал-ахвал. Рукопись ИВ АН УзССР № 1936, л. 936, 1296.

¹⁰ Многочисленные примеры см. П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Ваф-наме». Таш., 1966.

В. Н. Настич

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЭПИГРАФИКА АРАБСКОГО ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Важное место в системе источниковедения истории Средней Азии занимают эпиграфические памятники мусульманского средневековья. Они служат серьезным дополнением к комплексу наших знаний о прошлом, почерпнутых из средневековых рукописей и археологических раскопок, а нередко и существенно уточняют уже известные исторические данные.

Особенно серьезное значение приобретают памятники эпиграфики для областей, удаленных от традиционных центров мусульманской культуры. Отсутствие прочной нарративной традиции, общая малочисленность оригинальных письменных источников, фрагментарность и противоречивость данных, содержащихся в исторических и географических сочинениях, созданных за пределами этих областей, ошутимо восполняются сведениями, почерпнутыми из местных арабописьменных эпиграфий и монументальных надписей. В этих условиях эпиграфические памятники часто оказываются единственными источниками, повествующими о конкретных фактах, событиях и личностях того или иного исторического периода.

О том, что памятники средневековой эпиграфики являются полноценным историческим источником, и о научной важности содержащихся в них сведений сказано и написано за последние десятилетия столько, что одни лишь ссылки на соответствующие работы заняли бы не одну страницу. Однако и сегодня «дистанция огромного размера» между призывами к активному поиску, изучению старых надписей¹ и конкретным делом сокращается весьма медленно. Фиксация и учет памятников до сих пор ведутся неравномерно, подчас, стихийно, целые области в наших азиатских республиках все еще остаются вне поля зрения востоковедов — филологов и историков. Далеко не блестяще обстоит дело и с научно-методическим и техническим уровнем эпиграфических публикаций, число и регулярность появления которых тоже оставляют желать лучшего.

Такое положение можно объяснить разными причинами: уда-

ленностью «исторических объектов» от исследовательских центров (например, в Казахстане, где маршруты научных экспедиций исчисляются сотнями и тысячами километров), дефицитом квалифицированных востоковедческих кадров, пробелами в их подготовке и профессиональной дифференциации. Но все же главным препятствием, как и прежде, остается предубежденное отношение к эпиграфике как к предмету исследования со стороны многих руководящих и планирующих организаций в республиканских научных центрах. «Иногда случается, что к эпиграфисту применяют другую мерку, чем к историку, так как материал его в глазах некоторых является второстепенным»² — это замечание И. Ю. Крачковского остается в силе и по сей день. И это тем более достойно сожаления, что, говоря словами французского востоковеда Ж. Соваже, «здесь мы стоим перед *подлинными* документами, настоящими *первоисточниками*, более заслуживающими доверия, чем лучшие авторы, текст которых мог быть жестоким образом искажен переписчиками рукописей»³.

Киргизстанской средневековой эпиграфике в известной степени «повезло»: благодаря стараниям многих дореволюционных и советских исследователей (Н. Н. Пантусов, Н. И. Веселовский, М. О. Аттая, П. П. Иванов, В. В. Бартольд, М. Е. Массон, Б. Н. Засыпкин, М. М. Дьяконов и др.⁴; в последние годы — В. А. Лившиц, Ч. Джумагулов и В. Д. Горячева) в нашем распоряжении находятся тексты около 140 надгробных памятников с территории республики, датируемых преимущественно XII—XV вв., и более или менее подробные данные о еще нескольких десятках эпитафий⁵. Многие из них уже прочтены и введены в научный оборот; к настоящему времени изданы или находятся в печати еще несколько публикаций (комплексы надгробных памятников Узгена, Сафид-Булана и Бураны), продолжается исследование надписей на кайраках из Оша, Янги-Науката и других пунктов Киргизии (В. Н. Настич, Ч. Джумагулов).

Репертуар известных эпитафий древности Казахстана в целом и его южных областей, наиболее перспективных с точки зрения эпиграфики, в частности выглядит заметно скромнее. Многообещающий почин «первопроходцев» М.-С. Бекчурина, П. И. Лерха, П. Н. Ахмерова, Н. Г. Маллицкого, В. В. Бартольда и В. Л. Городецкого⁶, к сожалению, не получил должного продолжения. Достаточно сказать, что с 1927 по 1980 г. в республике не было издано ни одной новой надписи арабского письма⁷, лишь время от времени отдельные памятники с территории Казахстана кратко упоминались в печати⁸. Между тем, судя по многочисленным, хотя и разрозненным свидетельствам очевидцев (к ним относится и автор этих строк), на территории Южного Казахстана, от Семиречья до Мангышлака, — великое множество разнообразных каменных памятников с арабскими письмами (как одиночных, так и групповых) на старых му-

сульманских кладбищах и мазарах. Правда, большинство из них очень поздние, относятся в основном к XIX — началу XX в., надписи на них по этнической и языковой принадлежности — казахские, многие из них датированы даже уже не по хиджре, а по европейскому (юлианскому) календарю.

В западных районах республики (Мангышлак, Устюрт) преобладают «адаевские» надгробники, высеченные из песчаника в форме вертикальных стел — кулыптасов, богато украшенных барельефными орнаментами и фигурными навершиями, с выпуклыми надписями на заглубленном фоне, редко содержащими что-либо, кроме имени, указания на родовую принадлежность и даты кончины похороненного; иногда цифрами указан его возраст.

В Кызыл-Ординской, Чимкентской и Джамбулской областях чаще встречаются плоские плиты или продолговатые каменные блоки прямоугольного или трапециевидного сечения, с врезными надписями, изредка дополнявшимися тамгообразными знаками и скромными украшениями. Более ранние памятники (XV—XVII вв.), попадающиеся весьма нечасто (возможно, просто потому, что их никто специально не ищет), представляют собой массивные, длиной до 1 м, «тумбовые» надгробия-сагана из серого или голубоватого камня, обычно прямоугольных очертаний или близких к ним, предназначенные для могил знатных биев, султанов, ханов, их жен и дочерей. Надписи на этих памятниках выполнены каллиграфическими почерками (сульс, реже насх) и обрамлены изящными орнаментированными картушами. Таковы уже известные в науке надгробники из мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане с именами Раби'и Султан-бегим, Суюнч-Ходжа-хана, Кул-Мухаммад-султана, Аманбике-ханым и др.⁹

К этой группе относится и неизвестный памятник могилы Сейид (?) -Гази-султана сына Султан-Гази-султана, умершего в 960/1552-53 г., в настоящее время установленный на останце крепости Старого Икана (в 28 км юго-восточнее Туркестана; зафиксирован нами в марте 1975 г.). Местные жители сделали вокруг него железную ограду, к которой время от времени привязывают цветные лоскутки материи. По верху боковых граней камня тянется сплошная полоса арабской надписи религиозного содержания, не связанного с самой эпитафией, которая выбита неплохим выпуклым сульсом в прямоугольных «окошках» на торцовых гранях, ориентированных по сторонам света.

Северный торец: هذا المرقد المغفور المرحوم اسد غازي سلطان (9)
ابن سلطان غازي سلطان نور مرقد

* Это могила прощенного, помилованного Сейид (?) -Гāзй-султāна сына Султāн-Гāзй-султāна, да будет озарена его могила! (Первая часть имени выбита без точек и с «лишним» алифом в начале, поэтому чтение ее как Сейид сомнительно, но ничего лучшего пока предложить не могу.)

«[Скончался] в [одном] из месяцев года девятьсот шестидесятого пророческой хиджры».

По рукописным источникам известно несколько Султан-Гази-султанов; один из них — султан казахского племени катаган, в конце XVI в. ушедшего в Кашгарию¹⁰ — по времени мог быть отцом «адресата» эпитафии. Но среди сыновей этого султана¹¹ лицо с именем Сейид или другим, близким графически, в источниках не упоминается. Если же, однако, этот Сейид(?) — Гази скончался в молодом возрасте, не успев заслужить ни известности в глазах летописцев, ни громких титулов и эпитетов, обычных в эпитафиях знатных покойников, то такое предположение можно считать достаточно обоснованным.

Что касается более ранних средневековых памятников на территории Южного Казахстана, то, хотя их здесь наверняка было и в целом и относительно меньше, чем в Киргизии или в других областях Средней Азии с традиционно оседлым мусульманским населением и иными этнокультурными характеристиками, все же основную причину их «отсутствия» следует искать не столько в исторических особенностях местных насельников, сколько в нынешней постановке организации эпиграфических изысканий в Казахстане, вернее, в практически полном отсутствии таковой. До тех пор пока такие изыскания и последующее исследование надписей не будут включены как самостоятельная тема в планы работ научных учреждений республики, каких-либо качественных сдвигов в этом направлении ожидать не приходится.

Основную массу надмогильных памятников средневековья на рассматриваемой территории составляют кайраки — крупные, гладко окатанные речные валуны естественных форм, разной конфигурации (от округлых до значительно удлиненных), с достаточно плоской поверхностью по крайней мере одной из сторон, на которой высекались надписи (как правило, читаемые при вертикальном расположении камня), иногда украшенные более или менее сложным фигурным обрамлением. Размеры кайраков в большинстве случаев составляют 30—60 см в длину (в высоту) и 20—45 см в ширину; отдельные, наиболее крупные экземпляры бывают длиной до 1 м. Как уже отмечалось, подавляющее большинство известных памятников такого рода относится к XII—XV вв.: кайраков, уверенно датированных как более ранним временем, так и XVI—XVIII вв., пока не обнаружено, и похоже, что таковые здесь вообще отсутствуют.

Крупные комплексы надмогильных кайраков зафиксированы на древних кладбищах в Ошской обл. КиргССР: близ селения Янги-Наукат (более 90), в районе Узгенских мавзолеев (около 30, из них к настоящему времени сохранилось всего 12) и у мазара Шах-Фазил в селении Гулистан (бывший Сафид-Булан;

16 памятников, 2 из них ныне отсутствуют). Заметно чаще кайраки встречаются небольшими группами (от 3 до 8) или изолированно в Прииссыккулье, Чуйской и Таласской долинах и также в Ошской обл. По нескольку галек с эпитафиями, вывезенных из различных мест Киргизии, хранится в музеях городов Фрунзе, Ош и Фергана. Два «пропавших» кайрака из Узгена (№ 4 и 6) недавно обнаружены в собрании эпиграфических памятников XII—XIV вв. в Самарканде¹².

Надписи на кайраках и других надмогильных памятниках мусульманского средневековья обычно составлялись на арабском языке. Исключение — около 20 эпитафий (только с территории Киргизии), написанных частично или целиком по-персидски. Кайраки с тюркоязычным текстом до сих пор не были известны; лишь в декабре 1983 г. нам довелось ознакомиться с эпитафией на кайраке с городища Бурана, полностью составленной по-тюркски в арабской графике. Она посвящена некоему 'Умару сыну *имакчи* (хлебопека) 'Али и датирована 603 г., очевидно, по солнечной хиджре «джалали», поскольку этот год назван *бичин йили* (год обезьяны; соответствует 1224 г.). Кроме этого уникального кайрака (если не считать самых поздних казахских и киргизских надгробий XIX — начала XX в.) тюркская лексика представлена лишь именной частью надписи надмогильного кирпича из Караспана (Чимкентская обл.), датированного по палеографии первой половиной XII в.¹³ и личными именами в нескольких других эпитафиях.

Филологический анализ арабоязычных надписей показывает, что лишь немногие эпитафии безупречны в отношении языковой грамотности: обычно в них отмечаются различные отступления от арабской орфографии и грамматики, стилистические погрешности. Отчасти это можно объяснить общей низкой грамотностью исполнителей надписей и сильным влиянием местных (персидско-таджикской и тюркской) языковых норм. Однако в целом это свидетельствует о том, что арабский язык никогда не был принят для активного общения среди местных жителей и оставался в значительной мере лишь проводником религиозной идеологии и средством отправления мусульманской обрядности. Напротив, персоязычные эпитафии, связанные с религиозным содержанием только в формальном плане, написаны хотя и не всегда грамотным, но живым и динамичным языком и отражают реальную языковую ситуацию в городах и поселениях региона XII—XV вв. Любопытно, что в некоторых персоязычных памятниках сохранились отдельные архаические элементы персидской морфологии, употребляемые здесь в качестве живой языковой нормы (например, опатив глагола в формах типа *ييامرزاد داراد* и т. п.¹⁴).

В свою очередь, арабский язык, несмотря на ограниченность употребления и отсутствие прочных корней в иноязычной среде (а в определенной мере, пожалуй, и благодаря этому), все же подвергался довольно активной «модернизации». Регулярные

отклонения в морфологических конструкциях и орфографии, новообразования в лексике, семантике и фразеологии, нетипичные и подчас чуждые классическому нормализованному языку, но в целом объяснимые на фоне взаимодействия с конкретными местными языковыми системами, приводят к мысли о возможности выделения некоего особого «среднеазиатского варианта» письменного арабского. Похоже, что здесь мы имеем дело с явлением, подобным судьбе классической латыни в средневековой и новой Европе, правда, с одной разницей: если схоластическое обогащение латинского языка европейскими богословами и учеными происходило, так сказать, «посмертно», то аналогичный процесс в арабском не был полностью изолирован от его живых наречий, протекал параллельно с их развитием и мог поддерживаться в известной степени благодаря взаимному влиянию.

Кайраки неоднородны как по объему надписей, так и по их содержанию. Наиболее обширные эпитафии с пышной титулатурой, богатой эпитетикой, восхвалениями прижизненных деяний и достоинств покойных, зачастую и выполненные более изящными и четкими почерками, устанавливались над могилами знатных персон духовного сословия (потомственных имамов, садров, муфтиев и т. п.) или представителей правящих домов. Могилы простых горожан — ремесленников, купцов, рядовых служителей культа — увенчивались более скромными надписями.

Самые пространственные эпитафии (18—20 и более строк) характерны для нескольких узгенских, сафид-буланских и ошских (музейных) кайраков. Большинство других — Янги-Наукат, Сурпа-таш, намогильники с берегов Иссык-Куля и др. — содержат до 4—6 строк и чаще всего заключают в себе только имя покойного и пожелание ему прощения в «будущей жизни». Существует довольно много памятников с текстами средних размеров, которые обычно начинаются словами «Это могила шейха, имама славнейшего...», иногда предваряемыми религиозными формулами (басмала, калима, цитаты из Корана или неканонические благочестивые изречения). В них чаще, чем в коротких надписях, содержатся даты, во многих случаях с указанием месяца, числа и даже дня недели. В отдельных случаях эти даты сопровождаются уточнениями, позволяющими определить время кончины упомянутого в них лица с точностью до одного или нескольких часов (например, узгенские кайраки № 3 и 8). Впрочем, известен ряд кайраков с достаточно обширными текстами, на которых даты не указаны вовсе.

Исключительный интерес представляют редкие факты датировки погребальных надписей посредством хронограмм. Нам известны два таких памятника: персоязычный кайрак XIII в. из Сафид-Булана (№ 14) и надгробие 926/1520 г. из мавзолея Ахмада Ясави в Туркестане, текст которого, сильно поврежденный и не сохранивший имени покойного, составлен по-арабски.

В обоих случаях хронограммы включены в стихотворные композиции.

Во многих эпитафиях к именам покойных «шейхов, имамов славнейших» прибавлены нисбы по названию их родных мест, в том числе и тех, где они скончались и похоронены. Казалось бы, излишне специально оговаривать происхождение человека, например, из Оша или из Баласагуна, там же и погребенного, т. е. что он был ал-Уши (или ал-Баласагуни). Однако регулярность, с которой «местные» нисбы упоминаются в надписях из Узгена (ал-Узджанди), Сафид-Булана (ал-Исбидбулани), Кесирган-Аты (Янги-Наукат; ал-Кесиргани) и других мест¹⁵, в том числе и первых двух, приведенных в качестве примера, свидетельствует о сознательном и целенаправленном характере этих упоминаний, на первый взгляд совершенно излишних в информационном смысле. По нашему мнению, это делалось для того, чтобы подчеркнуть известность покойных шейхов под этими «фамилиями» в других районах мусульманского мира, что в свою очередь прославляло и сами места, откуда они были родом и по названиям которых имели нисбы. На одном из недатированных янги-наукатских (кесиргантинских) кайраков за упоминанием имени «...кади ал-Хусейна сына Абу Бакра сына Ахмада сына ал-Хусейна сына Ширана сына 'Имрана сына муфтия Кесирганского» следует замечание на персидском языке: «Эта деревня прославилась благодаря ему», т. е. тому самому безымянному муфтию, который упомянут последним в этой и еще в одной надписи.

Особо следует отметить наличие среди киргизстанских кайраков значительного числа эпитафий для женских погребений, сам факт существования которых в свое время отрицался В. Л. Вяткиным¹⁶. М. Е. Массон, указавший, что «женские» кайраки все же встречаются в разных местах Средней Азии, предполагал возможность их изготовления прежде всего для представительниц «аристократии, вышедшей из кочевой среды»¹⁷. Таков, без сомнения, памятник для могилы Хатун-и Хатунан — близкой родственницы известного шейха Бурхан ад-дина Кылыча ал-Узджанди, умершей в 775/1373 г. (узгенский кайрак № 16); таковы женские надгробия XV—XVI вв. из Туркестана. Тем не менее ряд эпитафий, похоже, посвящен менее знатным покойницам. В частности, надписи из Янги-Науката, где отмечено не менее семи «женских» памятников, содержат только имена погребенных (а в одном случае нет даже и этого — лишь имя отца покойной и дата ее смерти) и не дают никаких оснований считать их особенно именитыми и высокородными.

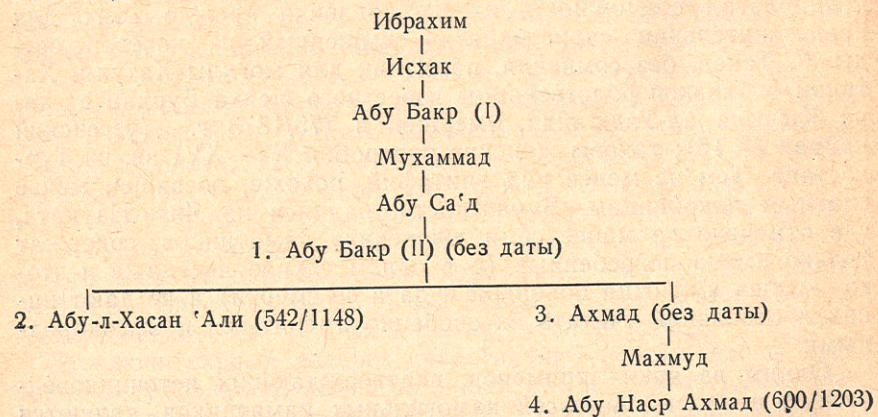
Одним из ярких примеров, подтверждающих источниковедческую ценность надписей намогильных памятников, являются группы кайраков, принадлежавших близкородственным членам отдельных семей. Таковы, например, эпитафии четырех узгенских шейхов ан-Нисабури (XII — начало XIII в.), два погребения

бальных и один мемориальный кайрак для потомков Бурхан ад-дина Кылыча ал-Узджанди (XIII—XV вв.), несколько намогильников имамов ал-Кисиргани из Янги-Науката (не датированы, относятся к домонгольскому времени) и др. На многих из них воспроизведены длинные куньи — родословные по отцовской линии, составленные из четырех-шести и более компонентов и восходящие к раннекараханидской и даже саманидской эпохе.

Надписи на четырех кайраках из Узгена (№ 11—14) позволяют восстановить генеалогию целой династии местных садров, предводителей мусульманского духовенства в столице автономного ферганского удела государства Караханидов. Историческая важность этих сведений еще более возрастает, если учитывать, что садры в городах Средней Азии традиционно не только обладали религиозным приоритетом (имам, шейх ал-ислам, муфтий), но и зачастую исполняли функции светских и судебных муниципальных властей (раис, кази и т. п.)¹⁸. Судя по перечисленным в надписях титулам, такими полномочиями были наделены и узгенские садры.

Даже самый приблизительный подсчет (см. ниже), сделанный на основании родословной покойного Абу Бакра ибн Абу Са'да ан-Нисабури (или ан-Найсабури — нисба по названию города Нишапура), приведенной на недатированном кайраке № 11, уводит нас по крайней мере во вторую половину X в. и заставляет искать его предков в столице Хорасана эпохи поздних Саманидов и Газневидов. Остальные три эпитафии, в двух из которых приведены даты, «наращивают» противоположную ветвь генеалогического древа этой семьи вплоть до начала XIII в.

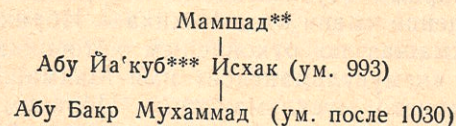
Таблица 1*

* Составлена по данным узгенских кайраков № 11—14. Цифрами отмечены имена шейхов, которым посвящены эпитафии; в скобках указаны содержащиеся в надписях даты их смерти.

Что касается нишапурского происхождения династии, которая, судя по обилию пышных титулов и эпитетов в надписях, действительно принадлежала к правящей верхушке караханидского Узгенда, а ее родовитость носила, бесспорно, наследственный характер, то попытка поиска предков ан-Нисабури приводит нас к любопытному сопоставлению с имеющимися сведениями о руководителях хорасанской секты каррамитов, действовавших в Нишапуре в конце X — первой трети XI в.

Таблица 2*

* Составлена по данным рукописных источников, использованных В. В. Бартольд и Д. С. Марголиусом¹⁹.

** У Марголиуса, очевидно, в более верной форме — Махмаша: это имя должно восходить к южноарабскому (кахтанидскому) кругу личных имен, не канонизированных исламом.

*** Марголиус называет Исхака Абу Бакром Исхаком, а кунью Мухаммада вообще не приводит; в работах Бартольда, напротив, Мухаммад чаще именуется просто Абу Бакром.

В пользу правомерности такого сопоставления могут свидетельствовать следующие доводы:

- 1) нишапурское происхождение узгенских шейхов;
- 2) отраженная в эпитафиях потомственная знатность и регулярное наследование одних и тех же высоких званий и должностей: ср. известный факт назначения каррамита Абу Бакра Мухаммада б. Исхака раисом Нишапура при Махмуде Газнави²⁰, что давало право на титул садра, принадлежавший двоим, а то и (если видеть намек на звание садра в титуле «садр ал-'улама» 'глава ученых', принадлежавшем Ахмаду б. Абу Бакру; кайрак № 13) троим из четырех узгенских шейхов;
- 3) совпадение имен двоих из их предков в надписи кайрака № 11 с именами нишапурских каррамитов. Упоминание одних и тех же лиц то под именами собственными, то под куньями — самое обычное явление в арабо-мусульманской устной и письменной традиции, поэтому сопоставления Исхак=Абу Йа'куб (или Абу Бакр?) Исхак и Абу Бакр=Абу Бакр Мухаммад=Мухаммад никакого противоречия не содержат (ср. примеч. *** к табл. 2);

- 4) близость расчетной хронологии первых из упомянутых на кайраке предков ан-Нисабури с известными датами смерти одноименных с ними каррамитов: за время между кончиной Исхака и его предполагаемого потомка, Абу Насра Ахмада, составляющее 230 лет, по эпиграфическим данным, сменилось семь поколений, что дает в среднем около 33 лет для каждого из них, а возможно, и несколько меньше, учитывая, что мы не зна-

ем, в каком возрасте скончались все эти шейхи; в частности, если считать от Абу Бакра Мухаммада, который был жив еще в 1030 г., то на каждое из шести последующих поколений приходится немногим более 28 лет, что в целом согласуется с реальной демографической ситуацией в любую историческую эпоху, включая и современность, и, следовательно, вполне допустимо логически и методически в наших построениях²¹.

Против версии о тождестве Исхака и его сына Абу Бакра (I) в родословной узгенских имамов с Абу Йа'кубом Исхаком и Абу Бакром Мухаммадом — каррамитами, пожалуй, только несовпадение имени отца Исхака — Ибрахим в эпитафии и Мамшад/Махмашаз по рукописным источникам. Однако не исключено, что «немусульманское» имя Махмашаз могло сосуществовать с «чисто мусульманским» Ибрахим либо вообще было не личным его именем, а, скажем, лакабом. Еще более вероятно, что имя Ибрахим появилось в родословной шейхов ан-Нисабури гораздо позднее (возможно, уже в бытность их в Узгенде) именно из-за того, что оно выглядело «более мусульманским», чем Махмашаз, которое было менее подходящим по идеологическим соображениям для генеалогии таких важных духовных лиц. Некоторые сомнения может вызвать и отмеченное выше расхождение в именах каррамитов у Бартольда и Марголиуса, пользовавшихся, бесспорно, разными источниками: у последнего сыном Абу Бакра (но не Мухаммада, а якобы Исхака) стал сам Мухаммад, тогда как, судя по надписи кайрака № 11, сыном Абу Бакра (I) действительно был Мухаммад, но оба они «сдвинуты» на одно поколение вперед. Эта очевидная путаница²² могла произойти вследствие пропуска в рукописях слова ب между «Аби Бакр» и «Мухаммад» — довольно обычной для средневековых переписчиков ошибки. Так или иначе, имеющихся данных в целом достаточно для выдвижения гипотезы о том, что узгенская семья шейхов и садров ан-Нисабури происходит от каррамитов Хорасана, и принципиальных противоречий этой гипотезе наши сопоставления и сами данные не содержат.

Очевидно, надписи узгенских кайраков могли бы ответить и на вопрос, кто же из этих имамов и когда покинул Нишапур и перебрался в Фергану. В первой из рассматриваемых эпитафий родословная покойного шейха, включая его самого, содержит шесть звеньев и восходит к Ибрахиму ан-Нисабури (надо полагать, в то время уже почти легендарному), тем самым подчеркивая высокородное происхождение и знатность фамилии еще в бытность ее в Нишапуре. Все остальные куньи-отчества на других кайраках одинаково заканчиваются упоминанием Абу Са'да, праправнука Ибрахима и отца Абу Бакра (II), но неизменно с нисбой ан-Нисабури. Едва ли такая согласованность случайна; скорее в ней следует видеть указание на то, что именно Абу Са'д был первым из семьи, известным в Узгенде, а значит, и первым переселенцем из Нишапура. Несложный

расчет, проведенный на основе описанного выше метода, показывает, что это могло иметь место, вероятнее всего, в последней четверти XI в.

Среди многочисленных звучных титулов покойных шейхов ан-Нисабури особое внимание привлекают два: «муфтий Востока и ас-Сина» (кайрак № 11) и «правосуднейший из судей Востока и ас-Сина» (№ 14). На первый взгляд, эти титулы представляются фантастическими, ибо совершенно ясно, что Китай (араб. ас-Син, перс. Чин)²³ как таковой никогда не был мусульманским и не подпадал под юрисдикцию караханидских муфтиев и казиев. Однако не случайно еще М. Хартманн, исследовавший в начале нашего столетия некоторые эпиграфические памятники из Средней Азии, посвятил подробному анализу одного из этих титулов — «муфтий Востока и ас-Сина» — целый раздел своего исследования по археологии «русского» Туркестана²⁴, где убедительно показал, что подобная претенциозность имеет под собой вполне конкретную религиозно-политическую подоплеку (Хартманн называет ее даже «панисламской»): поскольку весь мир создан Аллахом и подчиняется его воле независимо от того, исповедуют его обитатели ислам или нет, то и земли неверных должны быть рано или поздно включены в орбиту «истинной веры» (в данном случае в аш-Шарк — восточную часть мусульманского мира), а поэтому и идеологическая компетенция мусульманских законодателей потенциально простирается на все соседние земли, в том числе и на «неверный» ас-Син²⁵. Судя по известным надписям, на такое «расширение» своих полномочий претендовали многие духовные деятели из разных городов домонгольской Средней Азии: надписи с такими же или аналогичными титулами встречены помимо Узгена в Оше, Сафид-Булане, на городище Бурана (древний Баласагун), в Самарканде и др. Интересно, что подобной титулатурой пользовались и некоторые правители Караханидов: в частности, Абу-л-Хасан Наср б. Ибрахим (1068—1080) в надписях на монетах Ахсикета, Ходженда и Самарканда 70-х годов XI в. именовался как *малик аш-Шарк ва-с-Син* и *султан аш-Шарк ва-с-Син*²⁶; следовательно, претензии мусульманской верхушки караханидского общества распространялись не только на религиозную, но и на политическую сферу их деятельности. Иными словами, подмеченная и сформулированная М. Хартманном тенденция действительно была нормальной составной частью политической идеологии среднеазиатского ислама в XI — начале XIII в., причем тенденцией настолько прочной, что даже фактическая зависимость от тех, кого местные шейхи числили среди своей «духовной паствы», а именно каракхитаев (киданей) — выходцев из земли ас-Син, не смогла ее поколебать.

Интересны в историческом отношении и другие упомянутые выше «семейные» группы кайраков. Узгенские эпитафии № 15—17 посвящены представителям другой династии среднеазиатских

садров — одному из основателей ферганской ветви Бурханидов²⁷, «святому» суфийскому шейху Бурхан ад-дину Кылычу ал-Узджанди, и двум его потомкам, в том числе упоминавшейся выше Хатун-и Хатунан. Любопытно, что этот Бурхан ад-дин Кылыч хорошо известен благодаря подробному упоминанию о нем в сочинении Джамала ал-Карши «Мулхакат ас-Сурах» (начало XIV в.)²⁸, тогда как об узгенских садрах ан-Нисабури этот источник умалчивает, несмотря на то что его автор сам бывал в Узгенде, а с Бурхан ад-дином Кылычем был знаком лично. Следовательно, уже в XIII в. семья нишапурских садров утратила свое главенствующее положение в Фергане, а скорее всего, вообще не пережила монгольского завоевания.

Кайрак № 17 из Узгена с датой 807/1404 г. сохранил имя автора и исполнителя надписи — Тадж ас-Салмани. Мы не видим серьезных оснований сомневаться в том, что за этим именем скрывается известный летописец начала XV в., авторство которого установлено В. Хинцем для анонимной истории Тимура и Шахруха, продолжающей сочинение Низам ад-дина Шами «Зафар-наме»²⁹. В мемориальной надписи, изготовленной более столетия спустя после смерти шейха Бурхан ад-дина, Тадж ас-Салмани посвящает ему оригинальное четверостишие на персидском языке, именуя себя «ничтожнейшим из муридов его величества прибежища Бурханской святости».

В некоторых эпитафиях встречаются даже названия сочинений, прославивших своих авторов. Это «ал-Мухит» — богословское произведение об основах ханифитского толка Бурхан ад-дина Махмуда б. Ахмада ал-Бухари (ум. 570/1174)³⁰, еще одного представителя бухарского рода Бурханидов (Сафид-Булан, № 6), и неизвестный труд (очевидно, персоязычный) под названием «دوره حضرت» 'Эпоха святого', написанный неким Мухаммадом сыном 'Али сына Мухаммада ал-Мудаббира (?), умершим в Узгенде в 607/1211 г. (№ 20). Еще в одной надписи (Узген, № 8) «духовным сподвижником» покойного 'Абдаллаха б. Мухаммада б. Баба-хаджи ал-Узджанди (ум. 831/1428; один из самых поздних датированных кайраков) назван знаменитый шейх Мухаммад б. Мухаммад б. [Махмуд] ал-Хафиз ал-Бухари, иначе Мухаммад Парса (1345—1420), хорошо известный своим трактатом о суфийских шейхах «ат-Тахкикат»³¹. Имеются сведения о том, что в Сыгнаке (ныне развалины Сунак-Курган Кызыл-Ординской обл. КазССР) похоронен «патрон этого города» Хусам ад-дин ас-Сигнаки по прозвищу Сахиб-и Нихайа, т. е. «автор [сочинения под названием] ан-Нихайа»³².

Если памятники эпиграфики иногда указывают на средневековых авторов и их произведения, то и в некоторых рукописных сочинениях можно встретить сведения об изготовлении надмогильных эпитафий и даже списки их текстов. В частности, Джамал ал-Карши (начало XIV в.) сообщает о том, что он, будучи в Хайрабаде, по предложению Сейф ад-дина Бахарзи сделал на черной плите для могилы Камал ад-дина ал-Хорез-

ми ас-Сигнаки в Дженде (ныне городище Джанкала Кызыл-Ординской обл.) надпись, которую высек на камне сын покойного шейха имам Наджм ад-дин; в рукописи приводится и текст надписи³³. О «совещаниях, бывших в Ташкенте насчет сочинения эпитафии для Сиюндж (Суюнч)-ходжи», скончавшегося в Туркестане в 931/1525 г., писал в своем труде «Бадаи' ал-вакай'» Зейн ад-дин Васафи³⁴ (первая половина XVI в.). Полный текст надмогильника 711/1311-12 г. с кладбища близ башни Бурана приведен в сочинении современника Васафи — мирзы Мухаммада Хайдара «Тарих-и Рашиди»³⁵. Данные примеры наглядно свидетельствуют о том, что уже в те времена эпиграфические памятники представляли самостоятельный интерес для авторов исторических произведений.

Рассматривая весь комплекс памятников погребальной эпиграфики в хронологическом аспекте, мы заметим их количественную и качественную неравномерность. Самые ранние из датированных или уверенно датируемых по палеографическим признакам эпитафий на территории Южного Казахстана и Киргизии относятся к первой половине XII в. Сравнительно много надмогильников сохранилось от эпохи поздних Караханидов (до завоевания Мавераннахра хорезмшахом Мухаммадом). Это время характеризуется развитием социально-экономических отношений и ростом городской культуры в восточной части Средней Азии.

К моменту монгольского нашествия и особенно в первые десятилетия господства Чингизидов число сохранившихся кайраков резко падает: памятники, датируемые вторым—шестым десятилетиями XIII в., буквально единичны.

При Чагатаиде Барак-хане и его преемниках (последняя четверть XIII — начало XIV в.) наблюдается некоторое оживление хозяйственной и культурной деятельности в городах, восстанавливается духовная жизнь. Начиная с этого времени и вплоть до образования государства Тимуридов количество погребальных памятников с надписями снова возрастает. В них отражены изменения, происшедшие в религиозной идеологии населения региона после завоевания его Чингисханом. Именно к этому времени относится большинство эпитафий с ярко выраженным суфийским содержанием, появляются и достигают наивысшего развития культы местных «святых» и «чудотворцев». С другой стороны, надписи на кайраках свидетельствуют о сохранявшейся преемственности этнокультурных, языковых и религиозно-идеологических традиций домонгольского времени.

Появление в XV—XVI вв. новых форм «тумбовых» надгробий в городе Ясы (город Туркестан) связано с постройкой и функционированием культового комплекса, мавзолея ходжи Ахмада Ясави, и превращением Туркестана в политический центр Казахского ханства. Здесь были похоронены многие представители правящей кочевой верхушки из чингизидов, конгратов, тимуридов и др.

На территории Киргизии памятники, определенно датируемые XVI—XVIII вв., пока не обнаружены. Очевидно, это тоже в какой-то мере обусловлено конкретными историческими причинами, и в первую очередь изменениями в этнической, социально-идеологической и политической структуре государственного образования позднефеодальной Средней Азии. Наконец, отмеченные в ряде мест погребальные надписи XIX — начала XX в., выполненные на казахском, киргизском или узбекском языках, можно рассматривать как позднейшую реминисценцию мусульманской похоронной обрядности, вызванную новым оживлением городской культуры под влиянием капиталистических элементов в хозяйстве и быте, принесенных русским завоеванием и присоединением Южного Казахстана и Киргизии к России.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что средневековые эпиграфические памятники занимают важное место в системе источниковедения истории азиатских республик нашей страны. Каждый памятник, за редчайшим исключением, является подлинным и уникальным, многие из них точно датированы и локализованы географически. Погребальные надписи вкупе с архитектурной и наскальной эпиграфикой достаточно полно воспроизводят общую социально-идеологическую картину средневекового городского общества, его культурного и духовного развития на разных исторических этапах, объективно отражают этнолингвистическую ситуацию и уровень грамотности населения, их локальные особенности (чего обычно лишены рукописные сочинения).

К недостаткам эпиграфики как самостоятельного источника следует отнести ее специфически ограниченную информативность, количественную неравномерность в хронологическом и географическом отношении, зачастую обусловленную различными частными и субъективными факторами, а для отдельных надписей — дефектность, чрезмерную лаконичность и отсутствие дат или достоверных косвенных материалов для датировки. Кроме того, до сих пор не разработана адекватная система методов углубленного палеографического анализа различных стилей и почерков арабского письма, их локальных вариантов и периодизации. Впрочем, в этом аспекте именно эпиграфике может и должна быть отведена решающая роль, поскольку она представляет прекрасный и богатейший материал для такого исследования.

В целом же эпиграфические памятники мусульманской эпохи являются вполне добротным и надежным источником, использование которого в комплексе с другими видами исторических источников (нарративными, нумизматическими и археологическими, а также фольклорными и этнографическими материалами) позволит значительно расширить и качественно улучшить наши знания о жизни народов Казахстана и Средней Азии в эпоху феодализма.

¹ В советское время вопрос о сущности восточковедных эпиграфических исследований, их методике, целях и задачах был сформулирован почти полвека назад: В. А. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР. — «Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г.». М.—Л., 1937, с. 127—134.

² И. Кр[ачковский]. К вопросу о принципах эпиграфической работы. — ЭВ. 3. М.—Л., 1949, с. 90.

³ «Journal Asiatique». 1943—1945, t. 334, с. 321—322 (цит. по: И. Кр. К вопросу... — по поводу издания Асадом Таласом надписей на дамасских мечетях).

⁴ Подробный обзор истории изучения надписей из Киргизии см. В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии). — ЭВ. 7. М.—Л., 1953, с. 45—69; М. Е. Массон. Среднеазиатские надгробные кайраки. — ЭВ. 11. М.—Л., 1956, с. 3—13; В. Н. Насич. Эпиграфические памятники арабского письма. — Источниковедение древней и средневековой истории Киргизии (готовится к изданию).

⁵ По данным Ч. Джумагулова, всего в Киргизии зафиксировано более 200 памятников арабского письма (включая немногочисленные архитектурные и наскальные надписи). См. Ч. Д. Джумагулов. Эпиграфические памятники юга Киргизии. — Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 527—528.

⁶ М.-С. Бекчурин. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане. — Военный сборник. Т. 50, № 8 (август 1866), отд. II. СПб., 1866, с. 211—214. Погрешности в издании и переводе Бекчурина отмечены П. И. Лерхом.

П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870, с. V, VIII—IX, 5, 9, 14, 19—21 и др. Большинство надгробников лишь упомянуты, а опубликована всего одна эпитафия, посвященная дочери Улугбека Раби'и Султан-бегим.

П. Н. Ахмеров. Надписи мечети Ахмеда Ясави. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». 1896, т. 13, вып. 6, с. 544—550. Изданы тексты 16 эпитафий XV—XIX вв., изобилующие неточностями и ошибками, допущенными при копировании надписей; в частности, текст и перевод эпитафии Раби'и Султан-бегим изданы гораздо менее удачно, чем у П. И. Лерха (даже дата указана неверно: 870 г. х. вместо 890).

Н. Г. Малицкий. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия. — ПТКЛА, год 2-й (1896—1897). 1897. Приложение к Протоколу от 5 мая 1897 г., с. 10—21. Ходжакент (Ходжикент) — селение в 60 км к северо-востоку от Ташкента, ныне в составе УзбССР.

В. В. Бартольд. [О двух арабских надписях Аулиеатинского уезда]. — ЗВРАО. СПб., 1900, т. 12, вып. 1. Протокол от 11 марта 1899 г., с. V (=Сочинения. Т. 4. М., 1966, с. 307).

В. Д. Городецкий. Камни с надписью в Чимкентском уезде. — ИТОРГО. 1922, т. 15, с. 103—104.

⁷ Л. Кузнецов. О надписи на камне «Тамгалы-Тас» в пустыне Бетпакдала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии. — «Записки Семипалатинского отдела РГО». 1927, 16, с. 122—124. В работах М. Е. Массона (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Таш., 1930, с. 22; Время и история сооружения «Гумбеза Манаса». — ЭВ. 3, с. 34—35), А. Ю. Якубовского (Две надписи на Северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. — ЭВ. 1. М.—Л., 1947, с. 30—31) и А. М. Беленицкого (Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. — ЭВ. 2. М.—Л., 1948, с. 17—18) вновь рассматриваются тексты эпитафий Раби'и Султан-бегим 890/1485 г. и сипахсалара из Тараза (город Джамбул) 660/1262 г., ранее опубликованные П. И. Лерхом, П. Н. Ахмеровым и В. В. Бартольдом. Первая и пока единственная современная публикация вновь открытой надписи принадлежит автору этих строк: В. Н. Насич. Надгробный кирпич из Караспана. — «Известия АН КазССР». Серия обществ. наук. 1981, 5, с. 47—52.

⁸ ПТКЛА, год 5-й (1899—1900). 1900. Протокол от 27 марта 1900 г., с. 38; год 18-й (ошибочно: нужно «19-й»). [Вып. 1]. 1915: Протокол № 1 от 11 декабря 1913 г., с. 57; Протокол № 2 от 12 февраля 1914 г., с. 59; А. Ю. Яку-

бовский. Развалины Сыгнака (Сугнака).—«Сообщения ГАИМК». 1929, т. 2, с. 150—151; М. Е. Массон. Мавзолей..., с. 8, 14, 20. Те же и некоторые другие памятники отмечены в кн.: Археологическая карта Казахстана. А.-А., 1960, с. 252, 258, 273, 317, 372 и др.

⁹ П. Н. Ахмеров. Надписи..., с. 544—547; М. Е. Массон. Мавзолей..., с. 8.

¹⁰ См. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969, с. 326.

¹¹ Там же, с. 385 и 416.

¹² Здесь и далее номера кайраков из Узгена и Сафид-Булана даются по соответствующим работам: В. Д. Горячева, В. Н. Насич. Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв.—Киргизия при Караханидах [Сб. статей]. Фрунзе, 1982, с. 140—193; они же. Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII—XIV вв.—ЭВ. 22 (в печати). Выявлению указанных эпитафий, известных по фотоснимкам Б. Н. Засыпкина 1928 г. и не обнаруженных на месте В. Д. Горячевой во время археологических работ 1971—1972 гг., мы обязаны коллеге из Душанбе Л. Додхудоевой.

¹³ В. Н. Насич. Намогильный кирпич...

¹⁴ G. Lazard. La langue des plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963, с. 338—339. Форму опативного наклонения (исторически — субьюнктив), представленную уже в памятниках X—XI вв. только для III л. ед. ч., Ж. Лазар называет прекативом.

¹⁵ Подобные факты известны и для других пунктов средневековой Средней Азии и Казахстана (Термез, Касан, Сыгнак и др.).

¹⁶ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника.—«Известия Среднеазиатского музея». 1928, 3, с. 278.

¹⁷ М. Е. Массон. Среднеазиатские намогильные кайраки, с. 7.

¹⁸ См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.—Сочинения. Т. 1. 1963, с. 389—390, 418—420; он же. Бурхан.—Сочинения. Т. 2, ч. 2. 1964, с. 515—518.

¹⁹ В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 351—352; он же. История культурной жизни Туркестана.—Сочинения. Т. 2, ч. 1. 1963, т. 233—235; D. S. Margoliouth. Kaṅgāmiya.—EI. Vol. 2. 1925, с. 774.

²⁰ В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 352.

²¹ Проведенная нами проверка описанного метода на хронологических и генеалогических таблицах более 40 мусульманских династий средневековья, существовавших без перерыва 100 лет и более, в большинстве случаев дает средние цифры для периодов смены поколений в пределах 23—31 года, т. е. те же три-четыре поколения в столетие. Вычисления проводились по: Ст. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. В. Бартольд. СПб., 1899.

²² О неоднозначности данных источников относительно родословной карамитов Нишапура свидетельствует еще один опубликованный недавно факт: Р. В. Буллит (Религиозно-политическая история Нишапура в XI в.—Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981, с. 94 и сл.) со ссылкой на ал-Фариси и К. Э. Босворта называет Абу Бакра Мухаммада «сыном Махмашада», совсем не упоминая об Исахе.

²³ Средневековые географы распространяли это определение практически на все территории, расположенные к востоку от мусульманской Средней Азии, поэтому воспринимать топоним *ас-Син* как собственно Китай в современном понимании нельзя; ср., например, с ал-Истахри, который относил к Сину (Чину) «все страны тюрков», исторически не входившие в состав китайских государств, и вообще отождествлял «страну Чин» с Туркестаном. См. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 16 и 25.

²⁴ Там же, с. 303—304.

²⁵ M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch-Turkestan. 3.—«Orientalistische Literatur-Zeitung». B., 1906, 9. Jahr., с. 297—304.

²⁶ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, с. 268—270, № 464—483.

²⁷ О бухарской семье садров Бурханидов см. данную статью, примеч. 18; O. Pritsak. Al-i Burhan.—Der Islam. 30. B., 1952, с. 81—96; о титулах *садр* и *бурхун* см. также: L. Gardet. Al-Burhān.—EI. N. ed. Vol. 1. 1960, с. 1326—1327.

²⁸ Рукописи ИВ АН СССР: В 514, л. 52а—53а; С 286, л. 696—706. См. также: В. В. Бартольд. Фергана.—Сочинения. Т. 3. 1965, с. 534; он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.—Сочинения. Т. 5. 1968, с. 151.

²⁹ См. В. В. Бартольд. Улугбек и его время.—Сочинения. Т. 2, ч. 2, с. 72; Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Ч. 2. Пер. с англ. М., 1972, с. 815—817.

³⁰ Полное название этого сочинения — «ал-Мухит ал-Ну'мани фи-л-фикх ал-Бурхани». См. СВР. Т. 4. 1957, с. 196.

³¹ См. В. В. Бартольд. Улугбек и его время, с. 122—123; он же. Отчет о командировке в Туркестан.—Сочинения. Т. 8. 1973, с. 151, примеч. 181; Ч. А. Стори. Персидская литература... Ч. 1, с. 118.

³² А. Ю. Якубовский. Краткий отчет о поездке к развалинам мавзолея Кок-Кесине и г. Сыгнака (Саганака), ныне Санак-Курган или Санак-Ата.—ЦГА УзССР, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 310, л. 164.

³³ Рукописи ИВ АН СССР: В 514, л. 626; С 268, л. 73а, б.

³⁴ П. И. Лерх. Археологическая поездка..., с. 21; А. Н. Болдырев. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957, с. 212—214.

³⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864, с. 162—163; см. также: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью.—Сочинения. Т. 4, с. 55.